

совые, общественные организации, ассоциации, движения, группы и т. д., эластично объединяющие людей на непродолжительное время. Общественное самоуправление соединяет в себе индивидуальное и коллективное в едином, не расчлененном социуме, способствуя самореализации личности в соответствии с ее ценностными ориентациями.

Литература

1. Общественные настроения в 2010 году (ожидания, отношение к власти, по-

тенциал солидарности, возможность изменений) [Электронный ресурс]: данные опроса Левада-центра.. URL: <http://www.orec.ru/1322043.html>

2. Кирсанова Л. И., Ячин С. Е. К проблеме генезиса деятельности и общественных отношений. Новосибирск, 1985. С. 52.

3. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. М., 1971. С.196.

4. Федосеева О. В. Реформы местного самоуправления в России // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2007. Вып. 9. С.72.

УДК 268

**ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ЛИЧНОСТИ
В РОССИИ**

*Н.С. Ротач, аспирант
БрГУ, Братск*

На основе литературных источников прослеживается процесс развития духовности в России. Называются условия ее формирования. Оценивается духовно-нравственное состояние современного российского общества.

Ключевые слова: духовность, православные традиции, нравственные ценности.

В христианстве Истина есть не математическая или словесная (философская) формула, а само Истинное бытие. Однако это истинное бытие выступает в особой форме – в форме личности. Истина как Личность и есть Иисус Христос – Логос, воплотившееся Второе Лицо Божественной Троицы. Вхождение в Истину есть, здесь, соединение с Христом в Его Церкви, которое есть одновременно и обожение.

Этот акцент на личностном преобразении, на развитии личности, как совершенно особого, богоподобного начала человеческой природы, несводимого ни на какие способности, знания, умения и есть как бы главное онтологическое открытие (откровение) христианства. Об этом «внутреннем сердце человека» и

есть весь Новый Завет. Именно этот образ Истины как истинной Личности истинного человека Иисуса Христа и принял в свою душу русский народ. И многообразно отразил его как в творчестве художественном, так и в творчестве жизни. Этот образ отразился в великих русских святых, к которым стекается вся Русь, ища совета и вразумления, ибо эти святые подобны Христу. «Таких людей была капля в море православного русского населения, – отмечает великий русский историк В.О. Ключевский, характеризуя роль св. Сергия Радонежского и его братии. – Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав:

«Царство Божие подобно закваске». Укравкой западая в массы, это влияние вызвало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека...».[1] Созвучно этому и наблюдение В.С. Соловьева: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, la gloire du nom français*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue*. Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о «святой Руси». Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-эстетический, а идеал нравственно-религиозный»[2].

Русская святость воплощена, прежде всего, в русских святых. Это Борис и Глеб, Сергей Радонежский, Нил Сорский, Паисий Величковский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Амвросий Оптинский, целый сонм подвижников. Смирение, жертвенность, жажда чистоты, удивительная чуткость к окружающему нас мирозданию, утонченный мистицизм без всякой экзальтации, терпимость, всечеловечность – вот русский национальный идеал, воплощающий спокойствие и умиротворение.

Можно было бы продолжать приводить высказывания русских мыслителей, философов и историков о значении православия в формировании духовно-нравственных основ личности, но мы ограничимся ссылкой на работу современных российских исследователей А.О. Боронова и П.И. Смирнова «Россия и рус-

ские: характер народа и судьбы страны»: «Особенно важную роль играла религия Православия Вера позволяла объединиться людям по признаку «свой – чужой», без чего народ как некий единый организм едва ли сохранился бы Вера была важнейшим признаком самоотжествления русского человека со своим народом. Помимо этой, объединяющей, роли вера помогала русским людям решить и другие жизненно важные задачи. Она давала им духовные силы для преодоления невзгод и испытаний, она укрепляла волю и приносила утешение, она позволяла сохраниться лучшему, что есть в человеке, его духовному началу. Наконец, русское православие хранило основы народной нравственности, оно учило отличать хорошее от дурного, а это самое важное, но самое трудное в жизни, как человека, так и народа»[3].

В этом смысле, положение православия сегодня в России двойственно. Почти все крестят детей, празднуют Пасху. Согласно социологическим опросам, около 70 % россиян высказываются в пользу примата Русской Православной Церкви в религиозной жизни страны[4]. Однако Православие, православная культура не явно находятся в центре духовных интересов общества. Православие, помимо выполнения своей важнейшей миссии духовного воспитания отдельных личностей, в общественной жизни страны порой играет репрезентативную роль, символизируя связь сегодняшней России с историей тысячелетней России до 1917 года. Христианская «закваска», которую, собственно, и должна распространять Церковь, еще отнюдь не изменила жизнь общества в должной мере. Об этом свидетельствует положение почти в любом важном секторе общественной и государственной жизни. Впрочем, быстрого воздействия ожидать и нельзя, ибо духовная сфера имеет органическую природу. Выдающийся подвижник Русской Православной Церкви митрополит Вениамин (Федченков) так охарактеризовал состояние веры в обществе накануне революционных событий и в главном определил

их причины: «Теплохладность». Вот что он писал: «Но сила духа, горение жизни падало везде – незаметно, но неудержимо. Не было интереса. Нельзя было назвать религию жизнью. Это было больше знание, т. е. запас памяти, бесплодных доводов... И вообще все уже падало в России, все ценности. Не устояла и Церковь со своими школами. Духовного опыта было мало» [5]. Об этом же говорили многие русские мыслители [6]. В то же время, коммунистическая идеология, господствовавшая в течение почти века, никогда не могла заменить нравственно-религиозный идеал русского народа по простой причине: по природе своей идеология и религия отвечают разным потребностям человека, они занимают, так сказать, разное «место» в душе, функционируют на разных этажах душевной жизни. Идеология обращается к рассудку и страстям человека. Религия – к разуму, как полноте смысловозначительной деятельности человека, и к сердцу. В коммунистической идеологии все было ясно и определено. Она специально создавалась, чтобы быть преподаваемой толпе с трибуны, на митинге. Идеологические штампы можно было только выучить и применять как идеологическое оружие. Религия же сразу начинается с непонятного, таинственного, имеющего интеллектуальную глубину: Бог один – Бог – Троица, Бог умер (распятие) – Бог воскрес, согрешил Адам, но грех на всем человечестве и т. д. Религия, являет таинственную глубину жизни, требует напряжения разума даже от простых верующих. А в истории богословия было не раз явлено, какие титанические философские усилия требовались для осмысления таинств веры.

С другой стороны, идеология всегда обращается к страстям человека. Не к способности чувства во всей полноте, а именно к страстям. Человеческое чувство, как таковое, слишком многомерная, глубокая и сложная способность. Удовлетворить его во всей полноте может только соответственный же и предмет: любовь, искусство, мудрость, религия, Бог.

Но коммунистические идеологические схемы не дают пищи для этой полноты. Они способны только «зажигать» (в особенности «в массах») или ненависть к врагу, или преданность вождю. Страсть есть горячее революционного процесса. Советский человек, в этом смысле, был всегда специфически эмоционален. Сохранившиеся образцы советского массового искусства – яркое тому свидетельство [7]. Хотя, конечно, жизнь как таковая была всегда богаче, чем партийные идеологические схемы, тем не менее, идеологическая муштровка оказывала всегда формирующее и, прямо скажем, калечащее влияние на психологическую, эмоциональную сферу.

Религия, в данном случае христианская, в этом смысле всегда отличается культурой чувства. Страсти сами по себе рассматриваются как главные проводники зла. Центральная задача нравственной жизни – это обуздание страстей, очищение чувств. Любовь должна разделить в себе собственно любовь от вождения, вера отделить себя от идолатрии, подвижничество – от гордости, духовная радость – от сомнительного веселья и т. д. Мы уже отмечали, что в православной традиции большое значение придается очищению сердца от страстей.

Именно поэтому, в силу этих принципиальных отличий идеологии и религиозной культуры, первая никогда не может заменить вторую. Они залегают в душе человека (и народа), так сказать, на разной глубине. Подавление религиозной культуры осуществлялось коммунистической диктатурой чисто насильственными мерами: расстрелы священников, активных верующих, закрытие и разрушение храмов и т. д. Однако духовно коммунистическая идеология никогда так и не смогла «выиграть» у религии: переубедить народ, обратить его в сознательных сторонников своего мировоззрения. Именно поэтому, не только в первые два десятилетия Советской власти, но и даже в шестидесятых годах, в хрущевские времена коммунистической партии приходилось активно бороться с

«религиозными предрассудками». И это не удивительно. Вся русская культура, вся изучаемая в советской школе великая русская литература, насыщенная христианскими интенциями, вся двухтысячелетняя европейская христианская культура были против рассудочно – утопических коммунистических схем. Религиозное чувство, несмотря на господствовавший в идеологии атеизм, было живо всегда. Точнее, коммунистическая пропаганда, в каких бы формах она ни культивировалась, по самой своей природе не могла достигнуть той душевной глубины, где хранились религиозно-национальные чаяния народа. Да и с самого начала, еще с «Коммунистического манифеста», марксистская утопия пыталась играть религиозно-эсхатологическими интенциями [8]. К слову сказать, «Моральный кодекс строителя коммунизма» – своего рода нравственный катехизис – в главных своих моментах позаимствован из Нагорной проповеди Иисуса Христа. Однако, повторимся, по самой своей природе утопическая рассудочная доктрина не могла удовлетворить жажды народа в религиозном идеале. Эта духовная жажда оставалась глубоко скрытой, неутоленной и не востребованной.

Мы все помним, конечно, те грозные события советской истории, когда поневоле пришлось обратиться к этой духовной силе, скрытой в глубине народной души. И.В. Сталин своим инстинктом государственника хорошо почувствовал, что одной советской идеологии недостаточно для победы в войне. Потребовались более фундаментальные духовные резервы нации. И Сталин обратился к тому, что было угнетаемо самими же большевиками. К патриотизму русского народа, к его национальному самосознанию, национально-государственному инстинкту и, следовательно, более или менее явно, к его религиозной составляющей. Были частично возвращены из лагерей священники, восстановлено патриаршество, началось восстановление храмов. Народ сразу откликнулся на это,

действительно, национальное движение власти, это и предредило победный исход великого противоборства. Не учитывать определенного единства, – включая, что для нас самое главное, и духовное единство, – советского народа и дореволюционной России, сегодняшней России и России тысячелетней – это значит не только отрицать очевидный общечеловеческий факт духовной связи поколений. Это, в особенности, означает не понимать фундаментального историософского факта наличия всегда в духовной жизни нации вместе с господствующей, публичной идеологией, идеологии скрытой.

Начало либеральных реформ в России характеризовалось активными духовными процессами: попыткой смены вектора традиционного мировоззрения, изменением критериев добра и зла, внедрением новых социальных ориентиров, нравственных ценностей и идеалов. Вряд ли кто станет спорить, что современное духовно-нравственное и политическое состояние России, духовная направленность социальных наук являются ярким примером попытки ассимиляции либеральных идей, при этом попытки переориентации национальной культуры под западноевропейские образцы сталкиваются с конкретной действительностью, которая не вписывается в заранее заготовленные штампы. Так, например, появление в науке принципиально новых методов измерения сопровождается разработкой новых научных направлений. К их числу относится зарождение «эпидемиологии духовности» – науки о массовых нравственно-эмоциональных процессах, происходящих в обществе.[9] Авторами этого подхода является группа ученых под руководством известного демографа и философа И.А. Гундарова. Выше мы упомянули, что духовность здесь трактуется не в религиозном смысле, а в светском. Автор отмечает, «что физическая жизнеспособность населения зависит не только от условия бытия (материальных факторов), но и от нравственной атмосферы эмоционального состояния общества

(духовных и душевных факторов)» [10]. Автор выделяет так называемые «грехи» порочных целей, которые заставляют человека выбирать ложной путь. К пагубным целям относится стремление к наживе («сребролюбие»), увлечение алкоголизмом, наркомания (сотворение кумиров) и др. Вторая группа – это «грехи» разрушительных социальных отношений. Одни из них приводят к деструкции общества (через индивидуализм, эгоизм, зависть, неуважение к родителям, старшим), другие – к подавлению свободы личности (через диктатуру массовой культуры или гордыню авторитарной власти). Третья группа включает грехи пагубных эмоций, которые формируют в сознании человека доминантные очаги саморазрушения (гнев, тоска, потеря смысла жизни, безысходность) [11]. Можно предположить, что перечисленные нравственно-духовные состояния разрушают не только личность человека, но и его физическую основу.

Доказать влияние нравственных особенностей человека на его физическое здоровье возможно только в перспективных (длительных) наблюдениях. Проведение такого рода исследований требует количественного измерения негативной духовности. Материальными приборами выполнить это невозможно, так как предметом измерения выступают нематериальные явления. «В подобных ситуациях, – отмечает И.А. Гундаров, – теология рекомендует оценивать нравственность человека опосредованно, по делам. Чем более моральное состояние общества предрасположено к совершению дурных поступков, тем чаще они действительно случаются. Следовательно, по количеству нарушений общечеловеческих заповедей («не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «не сотвори себе кумира», «почитай родителей», «не отчаивайся») можно ретроспективно судить об уровне повреждения духовной сферы. Единицами измерения способны служить данные официальной статистики о проступках, которые считаются нарушением перечисленных заповедей:

убийства, грабежи, внебрачные дети, алкоголизм, брошенные родители, самоубийства и др. Там, где социальные аномалии встречаются чаще, уровень «греховности» населения выше» [12].

В данной связи неправильно было бы говорить о бездуховности общества. Духовность присутствует всегда, но она может быть либо позитивной, либо негативной. Ее характер формируется под влиянием внешних и внутренних условий. К внешним относятся образование, воспитание, социально-экономические, идеологические и другие, к внутренним – этнический архетип, национальные традиции, генетический тип личности, но в главном содержание духовности определяется типом, степенью и качеством религиозности в явном или латентном виде.

Выдающийся философ и исследователь феноменологии религии М. Элиаде утверждает следующее: «Подавляющее большинство «неверующих», прямо говоря, не свободны от религиозного поведения, теологии и мифологии. Иногда они завалены ворохом магико-религиозных представлений, искаженных до карикатурного состояния, а потому и плохо узнаваемых... Большинство «неверующих» живут под влиянием псевдорелигий и деформированных мифологий. И в этом нет ничего удивительного, так как мирской человек – потомок *homo religiosus*; он не может уничтожить свою собственную историю, т. е. поступки своих религиозных предков... В некотором смысле даже можно утверждать, что и у тех наших современников, которые объявляют себя неверующими, религия и мифология «скрыты» в глубине подсознания» [13]. Б.П. Вышеславцев в этой связи подчеркивает: «Современная психология со своими открытиями огромных неизведанных областей душевной жизни показывает, что религиозное чувство и религиозный миф, изгнанные из сознания и сознательно подавляемые, продолжают жить и действовать в бессознательном, и вот эти корни, не куль-

тивлируемые больше сознанием, начинают порождать страшные и уродливые атакисмы или, в лучшем случае, производить на свет ростки древних изжитых религий» [14]. Русский философ поставил точный диагноз генезису религиозного сознания, который справедлив для всех времен и народов. Процесс секуляризации привел к утрате высокого религиозного сознания и культуры, но не искоренил религию как таковую. Так, например, в последнее время в России отмечается необычайно большая тяга к оккультизму во всех его проявлениях (магия, колдовство, экстрасенсорика, уфология и т. д.). Следствием этого являются:

1. Подавление личности и управление сознанием людей.
2. Превращение человека в биоробота.
3. Грубое нарушение экологии духа.
4. Разрушение семьи, бездуховный образ жизни, отчуждение людей друг от друга.
5. Резкое увеличение числа душевных заболеваний, суицид.
6. Жизнь на грани двух реальностей – мнимой, или ложной, и реальной.
7. Активное созидание новой религии, основанной на сатанизме [15].

Во многом это связано с развитием идеологического и духовного плюрализма на волне либерализма, но в главном – с утратой традиции, а как следствие – с религиозным невежеством.

Здесь нам также видится и нравственно-философский аспект: попытка получения результата (неважно, связано ли это с материальными или духовными потребностями) мгновенно, без внутреннего роста. Этот процесс в немалой степени затронул и науку, приводя порой через иррационалистические увлечения к прямому шарлатанству [16].

С утратой стремления к высшему и, следовательно, с разложением религии ломается стержень культуры, отмирает глубинное основание нравственности, ее сплетенные с религией корни. Она вырождается в «этику» (бизнеса, управления, науки, и т. д., как набор правил игры) и, в конце концов, вытесняется пра-

вом [17]. Общероссийская конференция по этике, проходившая на философском факультете МГУ 26-28 января 2000 года, отразила состояние науки этики и состояние нравственности в обществе как утратившие свои корневые основания [18]. Характеризуя религиозное сознание российского общества, К. Касьянова называет его состоянием религиозного фундаменталиста. «...Мы начинаем понимать глубинную «механику» нашего парадокса: мы, люди, потерявшие веру в Бога, являемся «религиозными фундаменталистами»! И именно потому являемся «фундаменталистами», что не имеем веры в Бога, т. е. глобальной религиозной установки. Мы не имеем удовлетворительного религиозного обоснования нашей морали, а потому ко всем моральным правилам относимся именно по принципу «религиозных фундаменталистов»: мы хотим им соответствовать, мы их прилежно соблюдаем, но одновременно ощущаем их как закон, как внешнее, в лучшем случае как самоограничение, но все-таки ограничение» [19]. Перед нами предстает как раз юридическое понимание нравственности. Способность воспринимать уважение к моральному закону как достаточный мотив к действию у «религиозного фундаменталиста» есть, и в этом смысле он личность со всеми вытекающими отсюда притязаниями. Он обожествляет само понятие «личность», и понятие «свобода», и понятие «творчество». Он делает из них идолов.

Для того, чтобы быть действительно свободной и творческой личностью, нельзя смотреть на эти понятия как на конечную цель. Ибо в таком случае личность встает на путь самообожествления [20] и закрывает себе путь для отображения образа Божьего. Образ Божий в человеке есть нечто, что человеку надо в себе раскрыть.

Таким образом, «все результаты человеческой культуры достигнуты вытеснением и репрессией низшей чувственной природы человека – или сублимацией ее. Идея нерепрессивной культуры, не ограниченной никакой религиозно-

моральной нормативностью – самый большой соблазн и самая большая опасность современного мира» [21]. Как нам представляется, не следует ломать глубинные архетипы сознания, выработанные веками и напрямую связанные с религией, а необходимо их осознать, актуализировать. Архетип нельзя уничтожить, как подчеркивает К.М. Касьянова, его может заменить только более сильный архетип [22].

Поэтому мы считаем, что главной задачей, стоящей перед обществом и государством, является сохранение своих базисных ценностей, духовно-нравственных идеалов, генезис и развитие которых нам еще внимательно предстоит изучить. В заключение мы хотим привести слова святителя Дмитрия Ростовского, которые, как нам представляется, созвучны контексту предмета исследования: «Многие полагают многие и различные причины Адамова падения: одни – неверие, другие – непослушание, третьи – гордость и славолубие, иные же – иные различные причины. Мы же ни одной из них не признаем первейшею, кроме неразумения и нерассмотрения всех вещей.

Первейшая Адаму заповедь в раю была – делать и хранить, т. е. делать разумом, чтобы хорошо разуместь, и хранить заповедь, чтобы не нарушить ее. Но так как он не делал разумом, то и заповеди не сохранил».[23]

Литература

1. Ключевский В. О. Православие в России. М., 2000. С. 316.
2. Игумен Иоанн (Экономцев). Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 152.
3. Бороноев А. О. , Смирнов П. И. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. СПб, 2001. С. 71.
4. Филатов С. Б. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. К.

Каариайнена, Д. Е. Фурмана. М. ; СПб, 2002.

5. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии, сомнении. М., 2002. С. 52.

Там же. С. 57.

6. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М., 2000.

7. Николаева О. Современная культура и православие. М., 1999. С. 6 – 12.

8. Булгаков С. Н. Соч. В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993. С. 240 –272.

9. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., 2001. С. 35.

10. Там же. С. 31.

11. Там же. С. 32

12. Там же. С. 34 – 35.

13. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 128.

Там же. С. 129-130.

Там же. С. 131-132.

14. Вышеславцев Б. П. Философская ницета марксизма. Франкфурт; М., 1971. С. 96.

15. Дворкин А. Л. Введение в сектоведение. Н. Новгород, 1988.

16. Иванов А. В. Пути противостояния современному иррационализму // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2000. № 6. С. 12-18.

17. Кутырев В. А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопр. философии. 2001. № 8. С. 59.

18. Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 2001. № 1. С. 3 – 74.

19. Касьянова К. М. О русском национальном характере. М., 1994. С. 197.

20. Николаева О. Современная культура и Православие. М., 1999. С. 204.

21. Касьянова К. М. О русском национальном характере. М., 1994. С. 338.

22. Там же. соч. С. 24 – 27.

23. Алфавит духовный святителя Дмитрия Ростовского, в русском переводе епископа Иустина. 3-е изд. М., 1909. С. 27.